

МЕСТО ДЛЯ «ЗВЕЗДЫ»

Культура. 1993. 23 окт. с. 7.

**Леониду Зимненко
повезло — он принял
участие в одной из самых
нашумевших премьер
ушедшего года**

нать, потому что в это время должен быть в Варшаве... Зарубежные работы неизбежно «высветят» имя Зимненко на афишах его родного Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, где он 20 лет поет Гремину, Базилио, Бориса, Короля Рене (список ролей певца много длиннее) и все-таки остается на периферии зрительского внимания. Может быть, потому, что пока не случилась встреча, в которой и высекается «звездная» искра, — со «своим» дирижером, со «своим» режиссером?

Сейчас в театре, переживающем трудные времена, Зимненко поет, по сути, весь басовый

Наш человек в Амстердаме

«Жизнь с идиотом» полна неожиданностей... Их полный реестр еще предстоит произвести — когда опера наконец доберется до российских подмостков. А в бескрайних пространствах что-нибудь да затеряется, как затерялось сообщение о том, что к амстердамской премьере, этому загадочному созданию пяти наших соотечественников — А. Шнитке, Вик. Ерофеева, М. Ростроповича, Б. Покровского и И. Кабакова, причастен и еще один россиянин, с именем не столь громким, да и в роли небольшой, но весьма значительной.

В длинном ряду владык разного ранга, сыгранных нашим «шестым», Сторож сумасшедшего дома (откуда и будет взят в семью, читай — страчу, идиот-мыслитель с рыжеватой бородкой), пожалуй, самый фантазмагорический и вместе — самый реальный. Американские импресарио, собиравшие труппу на «Жизнь...», веро-

ятно, рассудили, что иностранцу не под силу понять, как за бутылку можно продать полгосударства или сколь велика власть «младшего чина» Сторожа в мире, где «под стражей» находилось все, включая направление умов, — и тут нужен русский. Леонида Зимненко увидели случайно, на репетициях Брегенцского фестиваля. А спустя два месяца скромный дублер, которому тогда так и не довелось выступить в австрийской постановке «Мазепы», подписывает заманчивый (во всяком случае, в творческом смысле) контракт и становится первым российским исполнителем в первой постановке первой оперы Шнитке.

На том цепочка Удачи не оборвалась — через несколько месяцев он поет в Германии и Голландии редко звучащую оперу Верди «Стиффелио», потом получит приглашение на Зальцбургский фестиваль, которое, увы, не сможет при-

репертуар и — поскольку с годами научился легко справляться с «верхами» — частично репертуар баритонов. Во всяком случае, он тот Руслан, на которого в готовящейся премьере «Руслана и Людмилы», похоже, возлагают особые надежды. Ставит спектакль, кстати, Александр Тителъ — новый главный режиссер, известный своим незаурядным дарованием. Кто знает, не тот ли это союз... И тогда вдруг окажется, что значительная часть жизни, которую Леонид Зимненко провел с тем самым ерофеевским «идиотом» (как и все мы) и на которую, как полагает, пришла пора его расцвета, лишь прелюдия к настоящей творческой жизни — с такой естественной ангажированностью в мировой культурный процесс и «хватанием» звезд с неба, да простят мне неказистость перекроенной идиомы.

Л. ДОЛГАЧЕВА.